

Выдающийся мастер театра

Среди экспонатов Ленинградского театрального музея недавно появилась небольшая бронзовая скульптура. Она изображает народного артиста СССР Юрия Владимировича Толубеева в роли Вожака анархистов из спектакля «Оптимистическая трагедия».

Не случайно именно ваятель обратился к этой новой работе актера: созданный им образ не только сыграл с глубокой жизненной правдой и проникновением в психологию героя, — он и выпячен с незабываемой скульптурной выразительностью.

Коренастый, с литыми мускулами, выпирающими из-под телняшки, в бушлате, небрежно накинутом на одно плечо, угрожающе сжав руку в кулак, Вожак стоит, готовый нанести кому-то стремительный и ошеломляющий удар. Его лицо с подпухшими глазами и чудом, падающим на унылый лоб, с проломленным носом и тугими щеками не выражает ничего, кроме грубости и неизменности ватуры. И весь он словно налит безардной и жестокой свиной силой...

Сценические образы Толубеева всегда рельефны, живописны по форме и прорисованы на полотно художника, под резец скульптора. Таковы халупорочищник, азартно отплясывающий в предвкушении баяка, которые сунит ему свалба, дохери с важным нетербурским чинчиком; таков картузник Бубнов, шароший спутанными волосами, облаченный в немисыльное рванье и как будто вросший в прогнившие

нары ночлежки; таковы купец Боровцов, чванливо ухмыляющийся, довольный тем, что сумел ограбить зятя и внуков, и многие, многие другие.

Было бы, однако, неверно сделать вывод, что сила художественного воздействия толубеевских образов заключается в их внешней выразительности. Как ни изумительно искусство внешнего перевоплощения, еще более удивительна способность внутреннего преображения, естественного погружения, растворения в образе, отличающая лучшие работы выдающегося мастера драматического театра.

Форма рождается у Толубеева из глубин постигнутого характера изображаемого лица. Артист ищет самое важное, главное, определяющее героя, «кореня» души. Его образы выписаны крупно, масштабно, густым мазком. Это не значит, что артист пренебрегает сложностью, противоречивостью характеров — они всегда многогранны, многоосложнены, как целые пласты жизни. В то же время они предстают перед нами как бы рассмотренные мудрым взором художника, который очисти их от всего наносного, случайного. Исполнитель стремится не только изобразить, но и объяснить, но только озертить характер, но и выявить его природу. Потому-то в его лучших ролях нет ничего неслучайного, недосказанного. Прожив на сцене всего несколько часов, пройдя короткий отрезок пути, его герои развешивают перед нами свою биографию, их легко представить на всех этапах жизненной дороги.

Последние три работы Ю. В. Толубеева в спектаклях Академического театра драмы имени А. С. Пушкина — Боровцов («Пучина» А. Н. Островского), Вожак («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского), Бубнов («На дне» А. М. Горького) — яркое свидетельство высокого, зрелого мастерства.

С чудовищным простодушием глумится Боровцов — Толубеев над доверчивой честностью, благородной открытостью. Он божится и клянется, чтобы тут же нарушить свои зароны. Он сочувствует зятю и любит внуков, но это не мешает ему со спокойной душой пустить их по миру. В семейном кругу пучает Боровцов — Толубеев своего неудачливого зятя, как надо жить. Он показывает ему, как надо грозно смотреть на просителей, как вымогать чужое добро. Боровцов — Толубеев смешило тарачит глаза, делая зверское лицо, заребает руками воображаемые ваятия. Он непосредственен и почти по-детски наивен, этот купец, когда преподает свой бесстыдный урок лихойства.

Страшные моральные устои собственного мира сделал таким Боровцов, внушил ему убеждение, что только так, по волчьему закону, и могут существовать люди. Эту же мысль Толубеев особо оттеняет

в последнем акте пьесы, в котором Боровцов изображен впадшим в нищету. В среде бедняков-тружеников Боровцов впервые чувствует, что есть в жизни и иные отношения, иная мораль. Ничего не прощая своему герою, Толубеев дает социальное и историческое обоснование существованию такого типа.

Столь же глубоко раскрыт артистом и второй образ. Вожак — Толубеев ненавидит старый мир. Слепая, тупая ненависть ватмила перед ним все. Он рав и навсегда определил для себя отрицание как единственного пафоса и цель существования. Для него уже нет дорог, кроме путей разрушения, нет ориентира, кроме цели, в которую нужно стрелять. «Под корень всех рубить надо», — так формулирует он свою человеконенавистническую философию. Борей против насилия, являвший на царской наторге, он сам, может и не заметив этого, вступил на путь насилия. Страсть уничтожения переросла в нем страсть утверждения собственной власти, гнетущей, унывающей, подавляющей людей. Вожак — Толубеев ничего не творит, не созидает в революции. Он лишь управляет мрачным пиром всеобщего, которому весь мир представляется только почвой для утверждения его ненасыт-

ного честолюбия, неутолимой мести.

Великолепна сцена, когда, сидя на огромном цветастом ковре, Вожак пьет водку, чокаясь с самоваром. Под аккомпанемент гитары он поет «Вихри враждебные веют над нами...». Но поет не торжественно, бодро, как исполняют этот революционный гимн борцы за свободу, верящие в победу справедливого дела, в грядущий светлый день, а сумрачно, тяжело, как человек, для которого весь смысл песни заключен именно в этих враждебных вихрях.

Артист обнажает внутреннее бессилие грозного атамана буквально одним по-толубеевски точным штрихом. Когда приходит момент раскатыть на невинно пролитую кровь, за надругательства над людьми, Вожак, до этого железно-нагшибаемый и, казалось, неустрашимый, дрябло валится на колени. Он кинется, как муля, из которого вылился содержимый. В его глазах животный страх. Беспощадный, — он мстит и побеждает, умеющий только ненавидеть — вызывает к любви. Но и в этом последнем человеческом порыве он слотоподобен. Дикий крик вырывается из его груди. Это не вопль души, а конвульсия тела, переживающего последний миг своего существования. Вожак умер раньше, чем его покарала революция.

Подлинным шедевром является последняя по времени работа Толубеева — роль Бубнова из пьесы А. М. Горького «На дне». Поначалу его Бубнов кажется естественным порождением ночлежной ямы, ее нищеты, беспросветности, припадленности. С угрюмым равнодушием, усмешливым безразличием наблюдает он за трагическими метаниями обитателей ночлежки и, как ворон, сидя-

щий над большаком, лишь маркает след идущим мимо него.

Но вот в последнем акте Бубнов приходит в свою яму слегка подвыпившим, я, как луч солнца, каким-то чудом пробившийся в смрадную ночлежную пещеру, открывается в сердце мартушки никогда не умирившая потребность ощущать человеческое тепло и ласку, дарить людям радость, радоваться самому. Торжественно-растроганно звучит в устах Бубнова — Толубеева слово «друг». Бубнов пускается в пляс. Его танец неуклюж. Трепыхаясь в лохмотьях, ухватившись за спинку кровати двумя руками, Бубнов — Толубеев прыгает на месте, как ребенок. Но проклад несколько минут, и вновь беспросветность окутывает душу Бубнова. Склонившись на нарах, мартушкин, бесильный и сломленный, плачет над своим авдавленным счастьем.

В свое время А. М. Горький писал об А. П. Чехове, что его реализм новизнается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. До больших художественно-философских обобщений, символов поднимаются и образы, созданные Ю. В. Толубеевым. В них — глубочайшая правда жизни, страстное утверждение художником его взгляда на действительность и ее законы. Каждая новая работа этого выдающегося актера нашего времени умножает художественное богатство советского театра, является новым торжеством принципов искусства социалистического реализма.

Г. КАПРАЛОВ

На снимке: сцена из 1-го акта спектакля «Оптимистическая трагедия»: слова «Вожак» (народный артист СССР Ю. В. Толубеев), справа — Сипяк (вспомогательный артист РСФСР А. Соколов)

Фото Д. Мошнина

Вечерний Ленинград
20 V.57.